

М. С. ПОТЁМИНА

(Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

ЛИТЕРАТУРА ГДР И ФРГ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ

Процесс взаимной интеграции в общее литературное пространство авторов Восточной и Западной Германии, а также их протагонистов после объединения проходил достаточно непросто. Запущенный два десятилетия назад механизм воссоединения Германии на первых порах был принят немецким населением в целом одинаково восторженно, независимо от места проживания. Тогда казалось, что ничто и никто больше не сможет разделить и разлучить ощутивший первые признаки единения народ. Но эйфория продолжалась недолго. В одном из своих эссе известный немецкий писатель Гюнтер де Бройн был вынужден согласиться с тем, что объединение все еще не сплотило людей по обе стороны Берлинской стены: «у нации плохое настроение, она объединена, но не счастлива» [Bruyn 1999: 8].

После первоначальной эйфории в научном сообществе наблюдалась некая растерянность, сменившаяся внутренним напряжением. В статьях литературоведов и критиков все чаще встречаются такие заголовки, как «Стресс объединения» [Schmitz 1995], «Кризис объединения» [Коска 1995], «Культурный шок Германия» [Wagner 1996]. В 1997 г. Эберхард Ротерс во время выставки «Немецкие картины. Искусство из разделенной страны» и вовсе говорит о некоей болезни под названием «немецкое объединение», спрашивает: «Что же это? Шизофрения или раздвоение личности?» — и сам же ставит диагноз данному феномену, говоря о «нации с парализованной стороной тела» [Roters 1997: 18—19].

Подобные настроения сохраняются и в начале XXI в. В частности, в 2002 г. Александр Гумфарт в своей работе «Политическая интеграция Восточной Германии» отмечает, что в немецком процессе объединения, как и прежде, сохранились «серьезные проблемы и затянувшиеся конфликты» [Thumfart 2002: 82]. Судя по всему, сбываются пророческие слова Теренса Джеймса Рида, отметившего еще в 1993 г., что, «кажется, ничто не разъединяет людей так, как объединение» [Reed 1993: 234]. Ведь большинство исследователей (Э. Брюнс, К. Вельпель, Ю. Корманн и др.) замечают, что после 1989 г. в литературном поле Германии произошло самое настоящее

«столкновение» двух литератур и двух менталитетов, которое показало, «какого мнения придерживается каждая сторона о литературе другой части страны, а именно, невысокого» [Emmerich 2009: 523].

Впрочем, первые признаки некоторых противоречий, порой непреодолимых, можно было наблюдать в литературном сообществе и раньше. Тон задавали, прежде всего, писатели, а также общественные и политические деятели, которые незамедлительно отреагировали на все сопутствующие объединению события. Так, например, Гюнтер Грасс долгое время выступал за сохранение ГДР в качестве независимого государства и за постепенное «пошаговое» сближение «культурной нации». Грасс обосновывал свою позицию примерами из немецкой истории и высказывал свои опасения по поводу возможного возникновения новой «великой Германии». Кроме этого автор критиковал западных политиков, которые, по его мнению, слишком быстро приняли решение об ускорении создания единого государства, не учитывая желания народа, форсируя тем самым «распродажу» социалистических ценностей.

Оппонентом Гюнтера Грасса в этом вопросе выступил Мартин Вальзер, который считается приверженцем быстрого и бескомпромиссного объединения. Еще задолго до политических изменений в ГДР он высказывался против самого факта разделения немецкого народа, считая, что «самоосвобождение» граждан ГДР открывает возможность объединения немецкой нации.

После падения Берлинской стены все отчетливее становилось понятно, что именно немецкой литературе критиками отводится важная роль как в процессе разделения, так и в последующем сближении восточных и западных немцев. Ссылаясь на работу Пьера Бурдьё «Правила искусства. Генезис и структура литературного поля» (1992), Фолькер Ведекинг писал о некоем едином культурном поле, которое начинает формироваться в обеих частях Германии после нашумевшего «дела Бирмана» (лишения в 1976 г. гражданства ГДР известного барда Вольфа Бирмана). С одной стороны, это сближение было связано как с эстетическими новациями того времени, так и с вновь возникшим в ГДР интересом к романтической традиции, классическому модерну, прежде всего к Ф. Кафке, к «новому роману» и американской новелле позднего модерна. С другой стороны, писателей из Восточной и Западной Германии стали волновать одни и те же политические, социальные и экологические проблемы, что нашло свое отражение в дебатах, развернувшихся вокруг ядерной гонки вооружений.

Напомним, что в середине 80-х гг. усиливается общественно-политическая ангажированность писателей. Такие известные авторы, как Криста Вольф, Гюнтер Грасс, Макс Фриш и Генрих Бёлль, участвуют в акциях нового движения в защиту мира, против размещения ракетных установок в Восточной и Западной Европе. Они выступают за то, чтобы оба военных блока были ликвидированы.

Для многих писателей атомная угроза была связана с разрушением жизненных основ современной цивилизацией. Проявившиеся таким образом общие гражданско-прогрессивные тенденции стали, по мнению Ф. Ведекинга, еще одним компонентом нового единства некогда разделенного Берлинской стеной народа [Wehdeking 1995].

Против сформулированной Фолькером Ведекингом объединяющей цели литературы выступил Вольфганг Эммерих, который попытался дифференцированно подойти к этой проблеме в своей новой переработке литературной истории ГДР. Исследователь выступает против стремления к единой немецкой литературе после объединения и подчеркивает, что в современной ситуации в Германии невозможно установить какую-либо абсолютную культурную или литературную модель. «Дискультурность» и различный жизненный опыт на Западе и Востоке противоречат, по его мнению, этому представлению. «Лучше всего было бы отказаться от представления о компактных, ясно определенных, институционализированных направлениях и группах в современной немецкой литературе, не говоря уже о единой немецкой литературе» [Emmerich 2009: 525].

Ирис Радиш также отмечает, что следует учитывать различные условия формирования той или иной литературной традиции, ведь литература Востока развивалась другими путями, чем литература Запада. «Они совершенно далеки друг от друга... два направления литературы, которые не имеют ничего общего между собой... Восток — трагичный, Запад — веселый. Восток опирается на метафизические традиции немецкой духовной истории, Запад — на американскую прагматичность. На Востоке маршируют солдаты по театрам, а на Западе девицы в платье от “Версаче” по торговым центрам. На Востоке наблюдаются душераздирающие конфликты, печальные судьбы, глубокие чувства, на Западе — вечеринки, уход в себя» [Radisch 1997: 56]. Вольфганг Хильбиг, в свою очередь, в торжественной речи также хвалит Восток за независимое мышление и способность к противостоянию, чего не хватает Западу.

Впрочем, уже в 2000-м Фолькер Ведекинг и сам говорит о некоей смене менталитетов, нашедшей свое отражение в литературе, фильмах и изобразительном искусстве Германии после 1990 г. Судя по наблюдениям авторов изданного Ф. Ведекингом сборника «Смена менталитетов в немецкой литературе Объединения (1990—2000)», в литературе все чаще прослеживается *скептическое* отношение к возможности скорого слияния Восточной и Западной Германии в единый конгломерат. Культурное и ментальное поле представляется Ф. Ведекингом в образе спирали «метахронности» между «старыми» и «новыми» федеральными землями [Wehdeking 2000: 8]. Автор подчеркивает, что, говоря о возможной смене менталитетов у писателей объединенной Германии и их протагонистов, всегда следует учитывать заключенную в понятии «метахронность» идею разновре-

менности прохождения определенных социально-культурных процессов в разных частях страны.

Данную идею поддержал и Хельмут Бёттигер. Он отметил, что после объединения столкнулись два мира, которые до этого не имели друг с другом практически ничего общего. По мнению критика, в то время как в ГДР «зарождался собственный вариант модерна, на Западе он уже давно был отброшен в сторону» [Böttiger 2004: 11]. Такие авторы, как Вольфганг Хильбиг и Райнхард Йиргль, являются представителями специфического «ост-модерна», в котором противостояние индивидуума и общества было в крайней степени эстетически обострено. В их романах вырабатывается «я», которое вынуждено существовать в ситуации фундаментальных противоречий окружающей его действительности.

Предположение, что политические изменения должны отразиться в новой эстетике или инновативных литературных проектах, приписывает литературе прямую зависимость от современной истории. Однако не только ГДР потеряла свою идентичность, но и в ФРГ идентичность после объединения стала определяться по-новому. Оба государства становятся теперь предметом «реконструкции по памяти». «На Западе ничего нового, на Востоке только старое» [Brüns 2006: 13] — вот лейтмотив большинства научных трудов этого периода. Так, например, по Вильфриду Барнеру, литература хотя и отреагировала на изменившиеся обстоятельства, но не произвела «никаких инновационных литературных прорывов» [Barner 1994: 936].

Общее настроение на литературном рынке описано в романе В. Хильбига «Временное пристанище» [Хильбиг 2004]. Главный герой книги — восточный писатель Ц., — получив стипендию, оказывается на Западе. Герой с ужасом осознаёт, что существует непреодолимая граница между вчера и сейчас, восприятием окружающего мира и непреложных законов жизни в ГДР и ФРГ. Он замечает, что «некоторые книги на Востоке берег как зеницу ока. На Западе он все эти книги купил заново, но там они легли мертвым грузом» [Там же: 174]. То, что в ГДР казалось важным и монументальным, в Западной Германии становится предметом купли-продажи, маркетинговой стратегии. В то время как в ГДР еще ощущаются и перерабатываются ужасы XX в. — холокост и ГУЛАГ, на Западе во главу угла ставятся “Shoppinig u Fun” [Там же: 124, 210]. Возможно, именно по этой причине внезапно обнаружившаяся на вокзале книжная лавка имени Генриха Гейне воспринимается героем «атомным реактором литературы, взорвись она — и силой человеческого духа глобус, кажется, попробуравит до земного ядра» [Там же: 184].

Герой В. Хильбига вовсе не идеализирует ГДР. По его мнению, «ГДР — это нелепый отсталый анклав, где литература на самом-то деле мало что значит; ажиотаж вокруг литературы в странах Восточного блока — надуманное представление <...> но, как бы то ни

было, там он писал, волнами ажиотажа и его выносило к читателям» [Хильбиг 2004: 58].

На Западе же, считает герой, «литература катится под гору, это самоочевидно. Литература, которая отказывается служить развлечению, карается на рынке отсутствием внимания» [Там же: 58], недаром на этом рынке задействованы все рычаги для увеселения публики: чем успешнее развлечение — тем лучше оно продается. Почти каждую неделю Ц. узнавал из газет, читаемых для развлечения, что-нибудь о конце литературы. Герой понимает, что до сих пор он не относился к этому серьезно, «пребывая в центре ажиотажа, трудно почувствовать приближение конца. Пока не сообразил, что литературная жизнь потому так и суетится, что надобно затушевать конец. Не иначе я накрепко сжился с этим самым концом литературы, у меня вообще все разладилось» [Там же], — размышляет герой. «Конец литературы» ощущается и на Востоке. На последней Лейпцигской ярмарке, где герой побывал — последней ярмарке времен ГДР, в год воссоединения, — «его затрясло внутри от омерзения, и он убежал отсюда; писания журналистов, профессиональных диссидентов и жертв прославлялись и производили фурор, книги настоящих писателей не воровали больше со стендов, они одиноко и глупо глазели с полок на бывших своих читателей» [Там же: 251]. Герой понимает, что «нет ему места в литературном сообществе, где все сводится к одобрению <...> времена критицизма в литературе прошли, миновали модным поветрием — бурным краснобайством до кончика бороды. И, видно, пришло ему время сидеть и стареть вместе с этими бородами» [Там же: 59]. Так же, как и общественная жизнь, скатывающаяся в бездну без каких бы то ни было границ и ограничений, так и литературное сообщество, по мнению героя В. Хильбига, находится на грани катастрофы. Отвращение у писателя Ц. вызывает ажиотаж вокруг литературы Восточного блока, особенно одобрение, каким «его награждают за нападки на систему и тамошний режим <...>» [Там же: 59].

На Западе «конец литературы» [Там же: 59] ознаменован и тем, что все в этой сфере направлено исключительно на увеселение публики. Эта вакханалия является предвестником конца, словно «на гульбище сзывают мертвецов». Неудивительно, что Ц. ощущает себя здесь словно в клетке. Впрочем, и ГДР представляется Ц. в образе замкнутого пространства. Ведь «если дверца клетки захлопнется, то обратно уже не выпустят» [Там же: 26]. Выбраться из этого ограниченного пространства, заполненного мертвецами, возможно лишь самому став таковым. «Я останусь один с моим прошлым, думал он, и с моим несказуемым страхом <...>. Из своего страха я сделаю что-то вроде шоу, прошлым буду обладать, затем, чтобы быть забавным» [Там же: 125]

С тех пор как он приехал на Запад, Ц. почти не интересовался новостями. Хитростью «соцблока» он считал то, что в ГДР считал

себя в курсе последних событий, до отвала насыщаясь газетными и телевизионными репортажами, читая даже между строк речи председателей, «теперь все опрокинулось кверху дном, он уже ничего не знал ни про политику, ни про спорт» [Хильбиг 2004: 59]. Здесь, на Западе, «иллюзии разбивались одна за другой, и он замечал, что заполнять возникшие дыры не так-то просто. Замены не появлялось» [Там же: 54]. Переломным моментом в отношении получения информации на Западе для героя стали события в Чернобыле. «Чернобыль привел к тому, что он снова стал покупать газеты» [Там же: 55]. В этом контексте новое значение для него получает и понятие «свободы прессы», которую защищали как на Востоке, так и на Западе. Сегодня он лицезрел последствия этой свободы [Там же: 56]. Отсутствие каких-либо ограничений приводит к тому, что свобода прессы «докатилась до свободы любую вещь, все равно, какого рода, обрабатывать до тех пор, пока вещь эта не приобретет товарный вид... Любые факты и не-факты (все, что можно хоть как-то продемонстрировать или облечь в слова) должны продаваться, а для этого все знаки и образы хороши. Если после такой обработки остается хоть какая-то доля ценности и правды, то не благодаря основам демократии, а лишь по случайности» [Там же]. Герой чувствует себя жестоко разочарованным. Теперь он читает не для информации, а для развлечения. И «все реже его охватывал ужас по поводу того, что он читает кошмарные репортажи с тем, чтобы отвлечься» [Там же].

«Наверное, это шаг на пути превращения в “бундеса”», — думал он. Книжки слишком сложны и не дают рассеяться. Вот мы и читаем газеты, в которых пестрым пестро» [Там же: 59]

Западная Германия действительно к этому времени превращается в страну, в которой телевидение постепенно вытесняет литературу. Целое поколение, выросшее за просмотром телепередач, переносит свой жизненный опыт и в сферу «книготворчества» и книготорговли. Восприятие и способ переработки информации также меняются. В литературе находят отражение клиповость сознания, синхронное, а не линейное восприятие действительности. Такой подход позволяет создать новые, необычные по своей форме, тексты, которые оперативно реагируют на все актуальные культурные тенденции. Тем не менее гражданское самосознание практически исчезает со страниц западных книг. Хельмут Бёттигер так говорит о манере письма современных авторов на Западе: «центр пуст, а по краям можно наблюдать какие-то хаотичные, жизнерадостные, энергичные движения» [Böttiger 2004: 12]. «Я» западного протагониста неожиданно обнаруживает себя в вакууме и пустоте. Даже в пронизанных ритмом музыкальных дискурсах (например, «поп»-литература) берет верх анархическая субъективность.

По мнению Хельмута Бёттигера, этот период современной литературы можно назвать новой нулевой точкой отсчета. Несмотря на то что современная литература кажется многообразной, вскоре, по

мнению критика, не будет иметь значения, где в свое время родился или жил тот или иной писатель, в Восточной или Западной Германии, однако в отношениях «я» рассказчика и общества наверняка будут расставлены новые акценты.

Интеграция ГДР и ФРГ в новое общее пространство часто представляется писателями в образе метафорического «брака». При этом ГДР и ФРГ представляются в образах «культивированных западных мужчин» и восточных дикарок, союзом цивилизации и архаики. При этом спустя 25 лет со «свадьбы» Востока и Запада этот брак представляется сложным. «Тяжелый брак» — под этим названием в 2009 г. вышла монография Алисон Левис [Lewis 2009]. Однако, несмотря на доминирующий в литературе мотив расставания и развода, некоторые авторы (Барбара Зихтерман в «Вики Виктори», 1997; Карен Дуве в «Романе дождя», 1999; Александр Осанг в «Новостях», 2002) описывают и возможный happy end, новый виток в отношениях. «Брак» — метафорически очень точный диагноз происходящему. Время покажет, каким он оказался, этот немецко-немецкий союз Востока и Запада.

Литература

- Хильбиг 2004 — *Хильбиг В.* Временное пристанище. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Barner 1994 — *Barner W.* Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis zur Gegenwart. München, 1994.
- Böttiger 2004 — *Böttiger H.* Nach den Utopien. Eine Geschichte der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Wien, 2004.
- Brüns 2006 — *Brüns E.* Nach dem Mauerfall. Eine Literaturgeschichte der Entgrenzung. München, 2006.
- Bruyn 1999 — *Bruyn de G.* Deutsche Zustände. Über Erinnerungen und Tatsachen, Heimat und Literatur. Frankfurt a. M., 1999.
- Emmerich 2009 — *Emmerich W.* Kleine Literaturgeschichte der DDR. 4. Auflage. Berlin, 2009.
- Kocka 1995 — *Kocka J.* Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen, 1995.
- Lewis 2009 — *Lewis A.* Eine Schwierige Ehe. Liebe, Geschlecht und die Geschichte der deutschen Wiedervereinigung im Spiegel der Literatur. Freiburg i. Br., Berlin; Wien, 2009.
- Radisch 1997 — *Radisch I.* Der Herbst des Quatschocento // Die Zeit. 17.10.1997. No. 43.
- Reed 1993 — *Reed T. J.* Another Piece of the Past // 1870/71—1989/90 German Unifications and the Change of Literary Discourse / Hg. v. W. Pape. Berlin; New York, 1993. S. 233—250.
- Roters 1997 — *Roters E.* “Die Spannweite der Konflikte” // Deutschlandbilder: Kunst aus einem geteilten Land. 1997.

- Schmitz 1995 — *Schmitz M.* Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit. Berlin, 1995.
- Thumfart 2002 — *Thumfart A.* Die politische Integration Deutschlands. Frankfurt a. M., 2002.
- Wagner 1996 — *Wagner W.* Kulturschock Deutschland. Hamburg, 1996.
- Wehdekin 1995 — *Wehdekin V.* Die deutsche Einheit und die Schriftsteller. Literarische Verarbeitung der Wende, seit 1989. Stuttgart, 1995.
- Wehdekin 2000 — *Wehdekin V. (Hg.)*. Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit (1990—2000). Berlin, 2000.

ZUSAMMENFASSUNG

DDR und BRD-Literatur nach der Wiedervereinigung. Eine Integrationserfahrung

Im Beitrag wird der Verlauf des Integrationsprozesses von ost- und westdeutschen Autoren und ihrer Protagonisten in das gemeinsame literarische Feld nach der Wiedervereinigung untersucht. Im Rahmen der innendeutschen Annäherung wird der Literatur die Rolle eines Wegweisers zugeschrieben, der die vorhandenen Stereotypen und Vorurteile über DDR und BRD gegenseitig abbauen helfen soll. Am Beispiel des Romans "Provisorium" von Wolfgang Hilbig soll gezeigt werden, wie das soziokulturelle Phänomen "Wiedervereinigung" sich in der Literatur und im Literaturbetrieb widerspiegelt und auf welche Art und Weise ein Dialog zwischen der traditionellen "Nationalkultur" und dem neuen kulturellen Konglomerat entsteht.